

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-146-153

ПЕТРОВСКАЯ РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В РОМАНЕ Э. РЕЗЕРФОРДА «РУССКОЕ»

© Олег Поляков, Ольга Полякова

RUSSIA UNDER PETER THE GREAT AS A CIVILIZATIONAL AND CULTURAL BORDERLAND IN E. RUTHERFORD'S NOVEL "RUSSKA"

Oleg Polyakov, Ol'ga Polyakova

The paper studies the specificity of imagological representation in the novel *Russka* by E. Rutherford, a contemporary British writer. In this large-scale narration about the history of Russia, the authors single out the chapter devoted to the epoch of Peter the Great for a close study. The research shows how E. Rutherford reconsiders some stereotypes about Russia (Russian Asianism, barbarism, etc.), representing the country as a borderland where ambivalent civilizational and cultural tendencies and phenomena collide. In the novel, the national image construction is in accord with the views of the Russian philosopher G. D. Gachev who stressed primarily the geographical position of Russia, situated in the gravitational field between the East and the West. He also highlights the natural phenomenon, the wind, which performs a symbolic function in the novel, reflecting permanent interactions of contradictory tendencies in Russian reality. The ambivalence of the Russian chronotope is exposed in the novel through the private and social history collisions caused by the reforms of Peter the Great. The phenomenon of transition, in particular, is exemplified by the fate of Prokopii who experiences a crisis of self-identification as a result of the destruction of the Russian world-outlook sacral base. In the novel, the motif of borderland is rendered through the juxtaposition of topoi, cultural traditions, the images of Moscow and St Petersburg and, finally, through the image of Peter the Great, portrayed in the context of both apologetic and demythologizing traditions.

Keywords: Edward Rutherford, imagological representation, chronotope, stereotype, image of Russia

В статье рассматриваются особенности имагологической репрезентации в романе современного английского писателя Э. Резерфорда «Русское», масштабном повествовании о двухтысячелетней истории России, в котором авторы выделяют для детального изучения главу, посвященную правлению Петра I.

В статье показано, как Э. Резерфорд художественно переосмысливает ряд стереотипных представлений о России (русское «азиатство», «варварство» и др.), представляя страну как пограничье, в пространстве которого сталкиваются амбивалентные цивилизационно-культурные тенденции и феномены. Конструирование национального образа в романе согласуется с культурологической концепцией Г. Д. Гачева, который первостепенное значение уделял географическому положению России, находящейся в поле тяготений между Востоком и Западом, а также природной стихии ветра, который стал в романе лейтмотивным образом-символом, отражающим постоянные взаимодействия противонаправленных тенденций российской действительности. Амбивалентность русского/российского хронотопа раскрыта в повествовании Резерфорда в аспекте коллизий частной и социальной истории, порожденных петровскими реформами. Феномен переходности, в частности, представлен на примере судьбы одного из героев, Прокопия, переживающего кризис самоидентификации в результате разрушения сакральной основы мироощущения русского человека. Мотив пограничья также воплощен в романе «Русское» через противопоставление отдельных топов, культурных традиций, образов Москвы и Санкт-Петербурга и, наконец, через образ Петра I, который раскрывается с опорой как на апологизаторскую традицию, так и на тенденцию к его демифологизации.

Ключевые слова: Эдвард Резерфорд, имагологическая репрезентация, хронотоп, стереотип, образ России

Пристальное внимание исследователей к стоящее время прежде всего его исключительной «феномену пограничности» обусловлено в на- актуальностью. По замечанию Е. А. Стеценко,

«понятие пограничья оказывается глобальным и тотальным, оно распространяется на все сферы бытия и требует многостороннего осмысления и подхода» [1, с. 11].

Размышлявший о цивилизационно-культурном пограничье профессор В. Б. Земсков, обобщая концепции С. И. Семенова, А. С. Ахиезера, С. Хатунцева, В. Цимбурского, И. Г. Яковенко, Я. Г. Шемякина и исходя из идеи И. Г. Гердера о множественности культурных миров, пришел к выводу, что, с исторической точки зрения, «пограничье – это универсальная константа, энергетический источник, средство самоорганизации мировой культуры... Это переходы, мосты истории, ее строительные конструкции» [2, с. 18].

Он поставил под сомнение традиционное деление цивилизаций на классические, понимаемые как «завершенные в своем формировании системы», и неклассические, пограничные, в которых «база неоднородна, расколота, фрагментирована», поскольку такая градация не согласуется с историческим контекстом, законами диалектики, а также излишне идеологизирована, поскольку опирается на шкалу «хуже-лучше», «продуктивно-непродуктивно», «более развито-менее развито» и т. д. [Там же, с. 13–14].

По мнению ученого, история должна пониматься как «свободный многообразный и нелинейный процесс в различных вариантах и формах, на разных уровнях, на принципах неоднородных и в различных версиях, и одновременно как единый процесс на принципах взаимодополнительности и взаимодействий» [Там же, с. 15].

Такой взгляд на историю характерен для целого ряда современных писателей, стремящихся преодолеть упрощенный, трафаретный подход к изображению событий прошлого, запечатлеть в своих произведениях сложные исторические процессы, увидеть в каждой эпохе «доминанту многообразия, прямо обусловленную крайне противоречивым сосуществованием разнородных социокультурных пластов» [3, с. 38].

К их числу относится Э. Резерфорд (род. 1948), английский писатель, не раз признававшийся, что считает историю одной из важнейших наук. По его мнению, каждый гражданин должен знать историческое прошлое своей страны. Свою миссию автор романов «Сарум», «Лондон», «Дублин», «Нью-Йорк», «Париж», «Китай» и др. видит прежде всего в том, чтобы помочь читателю полюбить историю. Свои произведения он называет семейными сагами: в них, как правило, ведется повествование о судьбах 4–6 вымышленных семей на протяжении большого исторического времени – от начала цивилизации до современности. Роман «Русское», посвящен-

ный России, Э. Резерфорд относит к историческим произведениям, поскольку в нем он прежде всего стремился показать читателю исторический фон тех или иных событий.

Роман Резерфорда практически не исследован в зарубежном литературоведении, хотя он был высоко оценен критиками периодических изданий, отмечавшими масштабный характер повествования, мастерское соединение исторического и фикционального, а также глубокое исследование русского национального характера в произведении [4], [5], [6].

Книга, по словам писателя, создавалась в 1987–1991 годах, и в этот период он много месяцев провел в России, посетив наиболее значимые исторические и культурные центры страны. Особое впечатление, по его признанию, произвела на него Оптина пустынь, неслучайно свой роман Резерфорд посвятил тем, кто занимался возрождением этой монашеской обители. Именно в этом святом месте ему удалось «узреть истинную Россию» и осознать, что иностранцам, стремящимся «понять хоть что-то в настоящем и вероятном будущем этой удивительной страны, необычайно важно как можно глубже погрузиться в ее прошлое» [7, с. 14].

Важным имагологическим достижением Резерфорда стало не только преодоление распространенных клишированных представлений о России, но и художественное переосмысление целого ряда стереотипных образов, наполнение их новым глубоким содержанием. Это придает роману «Русское» особую значимость в контексте ситуации, когда, по словам Ги Меттана, «Европа механически повторяет суждения и заключения, сделанные в XV–XVI веках первыми ступившими на русскую землю европейцами» [8, с. 33].

Н. П. Михальская, исследовавшая имагологическую составляющую художественных текстов английских писателей разных исторических периодов, отметила стабильность, малоизменяемость запечатленного в них образа России в силу воспроизводства одних и тех же клише (суровость климата, варварство жителей, деспотизм власти и т. п.). Самой существенной тенденцией при этом стала близость к мифу: «Образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со многими свойственными мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между ними на протяжении столетий» [9, с. 210].

Причину такой имагологической узости и прямолинейности Т. Н. Красавченко видит как в глубинных различиях английского и русского социумов, так и в том, что до рубежа XIX–XX вв. «англичане не вникали в суть России, они...смотрели на нее свысока как на менее цивилизованную нацию» [10, с. 177].

Полностью избавиться от стереотипного восприятия России англичанам не удается до сих пор, однако существенную роль в преодолении негативных представлений о русских как об «этническом недоразумении» (Р. Киплинг) сыграло знакомство с русской литературной классикой. В результате этого для многих современных писателей стало характерно «разграничение стереотипов массового сознания и авторской точки зрения» [11, с. 435]. В предисловии к роману «Русское» Резерфорд признается, что в своем произведении пытался передать «ощущение удивительного богатства и своеобразия русской культуры», обильно заимствуя «из неисчерпаемых источников – русского фольклора и литературы» [7, с. 13–14]. «Литературное» познание России и русского национального характера английский писатель дополнил углубленными исследованиями архивных и исторических источников, а также непосредственным знакомством с культурно-историческими памятниками. Итогом этой большой и плодотворной работы стало масштабное историко-художественное повествование, в котором автор представил свое видение исторической судьбы России, ее места в мире, а также свое восприятие русской ментальности.

В начале произведения Резерфорд отмечает географическое пограничье России, расположившейся между Западом и Востоком, определяющее ее цивилизационные пути, стремясь подчеркнуть необъятные просторы русской земли, создает этнический образ, включающий в себя «огромный массив суши», «гигантские зоны тундры, леса, степи и пустыни», «великую необозримую равнину», «величайший лес всего мира» и т. д. Писатель вступает в полемику с «обманчивой», по его мнению, географической традицией делить Евразию на две части: Европу на западе и Азию на востоке. Логичнее, исходя из природно-географических особенностей, выделять Северную Евразию, которая представляет собой огромную равнину, растянувшуюся от Атлантического до Тихого океана, и Южную Евразию, отделенную от северной части могучей горной грядой, куда относятся государства Средней Азии, а также Афганистан, Индия, Монголия и Китай. Большую часть северной евроазиатской равнины занимает современная Россия, а ее истоком Резерфорд считает территорию «между

двумя речными системами, Днестром и Доном, начиная от Причерноморской степи до северных лесов» – именно здесь, по его мнению, «раскинулась гигантская древняя, исконная Русь» [Там же, с. 24].

Такая трактовка совпадает с концепцией Г. Д. Гачева, который отмечал, что именно географическое положение России, занимающей север Евразии и находящейся в поле тяготений между Востоком и Западом, обуславливает «все сюжеты русской истории», основанные на трилоге: Русь-Россия, Народ, Государство [12, с. 482]. Стоит вспомнить, что известный ученый рассматривал любой национальный мир как единство местной природы (Космос), характера народа (Психея) и его ума, ментальности (Логос). По его мнению, русский Космос – это прежде всего бесконечный простор, где «Пространство важнее Времени», а русский народ – это «Светер (Свет+Ветер)» [Там же, с. 461]. Неслучайно образ ветра часто встречается в русском фольклоре и в произведениях отечественных классиков.

Примечательно, что в романе «Русское» ветер становится лейтмотивным образом-символом как постоянно движущаяся, изменчивая природная стихия, как воплощение пространства и изначальной, первородной энергии. Этот образ в художественной системе произведения сопрягается с идеей русского пограничья – как в географическом, так и в историческом и метафизическом смыслах, отражая мысль о постоянных взаимодействиях противонаправленных тенденций в российской действительности:

«Россия: место, где равнина бесконечна.
Россия: место, где встречаются Восток и Запад.
Россия: пограничная земля» [7, с. 23].

Главными топосами в романе являются два вымышленных поселения, носящие одинаковое название Русское, первое на юге, второе, основанное позже, на севере: каждое из них «представляет собой сплав черт, присущих, соответственно, русскому Югу и русскому Северу» [Там же, с. 13]. Таким образом, изначально идея гетерогенности становится для автора принципиально важной для понимания не только исторической динамики, но и национальной ментальности и культуры.

Как реализуется этот подход, можно проследить, на примере седьмой главы романа под названием «Петр», в которой Резерфорд создает художественный образ петровской эпохи как цивилизационного и социокультурного пограничья. Опираясь на вальтерскоттовскую традицию со-

единения реального исторического фона и описания жизни вымышленных персонажей, писатель разрабатывает три связанные между собой сюжетные линии. Первая, общественно-политическая, повествует о правлении Петра I и воспроизводит особенности и основные события эпохи: борьбу за власть, реформы и реакцию на них русских людей. Две другие – частные: одна рассказывает о судьбе крестьянки Арины из северного Русского, а вместе с этими о феномене раскольников, другая – о семье боярина Никиты Боброва, на примере которой Резерфорд показывает культурно-идеологическую трансформацию правящего сословия, происходившую в этот период.

Писатель начинает главу с рассуждений об амбивалентности русского / российского хронотопа:

«Чтобы понять Россию, важно учитывать одно обстоятельство: хотя события в центре порой могут развиваться стремительно, а у новых идей находятся сторонники, на бескрайних просторах страны изменения происходят очень медленно» [Там же, с. 471].

Во второй половине XVII века такая «расинхронность» усилилась и стала основой «зловещего поворота» русской истории, и одно за другим стали накладываться противоречия, обусловленные сложными общественно-политическими процессами, определившими пограничность петровской эпохи. Автор романа разделяет точку зрения тех историков, которые связывают истоки «катастрофы, ознаменовавшей конец старой Московии» [Там же] с церковными реформами патриарха Никона, которые проводились в спешке и не учитывали силу традиции в сознании народа.

Это привело к великому разладу в русском обществе, получившему название «раскол», подводит итог писатель, обозначая тем самым идеологический фронт, разделивший провластных реформаторов и раскольников, многие из которых были грамотными купцами или преуспевавшими крестьянами.

Трагедию раскольников Резерфорд раскрывает на примере судьбы крестьянки Арины, которая представляет в романе очередное поколение народного генеалогического древа. Вместе с прихожанами небольшой церковной общины, возглавляемой священником Силой, она продолжает совершать службы по старинке. Однако автор видит в раскольниках не только формальные отличия: оно стало своеобразным критерием, который выявил глубинные изменения, происходившие в русском обществе под влиянием вестернизации.

В своих проповедях Сила противопоставляет «иноземное хитроумие», которое способно привести «только к большому греху», тому благочестию, которое «было дорого сердцу всякого русского человека»:

«Благочестие – это и набожность, и пламенная ревность, и вера, и преданность... благочестие – это верность древнему учению, священной традиции. Для русских крестьян – это смиренная любовь и благоговейный страх Божий, который противопоставлялся гордому, рационалистичному, формализованному западному миру, куда пытались завлечь и власти» [Там же, с. 487].

Лишенная внешней красоты Арина отличается необычайным певческим даром, а потому «красива – не перед людьми, но перед Богом» [Там же, с. 501]. Скрамная и благочестивая героиня находит семейное счастье со странником Даниилом, образ которого автор создает в традициях праведничества: он с детства «имел страсть к правде», «не найдя ее, озлился», вступил в ряды мятежного казачества, а затем захотел «от скверны своей откреститься», «святые обеты принес» [Там же, с. 504].

Именно Даниил со временем становится главой мятежной общины раскольников. Его дочь во время церковной службы воспринимает отца как «патриарха, непреклонного и вечного, как пророк с иконостаса» [Там же, с. 543]. Не считывая на милосердие Петра I, называя его Антихристом, раскольники во главе с Даниилом решают принять «огненное крещение» – сгореть вместе со своим храмом: «гари» пылали по всей России, особенно на севере. Известно, что с 1660-х годов десятки тысяч человек свели счеты с жизнью таким способом, порой – добровольно ища мученичества, порой – чтобы избежать злейшей судьбы в руках палачей [Там же, с. 548].

Эта форма социального протеста стала, по мнению писателя, зловещим и трагическим символом одной из многих «пограничных зон» петровской эпохи, когда «век Господень» вытеснялся «временем Сатаны».

Резерфорд, стремясь передать переходный характер той поры, показывает, как конфликтные ситуации в общественно-политической сфере порождали противостояния в частной жизни людей. Так, глава семьи представителей московской знати Бобровых Никита становится жертвой дворцовых интриг между кланами Милославских и Нарышкиных, лишаясь возможности стать воеводой, а затем узнает, что его жена поддерживает раскольников, разделяя их веру. Его сын Прокопий, ставший сподвижником Петра I, осознавая, насколько его родина отстает от остального ми-

ра, становится для отца чужим, «не русским». Споры в семье Бобровых о взаимоотношении России и Европы, а также о петровских реформах дают писателю возможность высказать свои взгляды на русский характер, определить своеобразие русской ментальности и ее коренное отличие от западного мировосприятия.

Резерфорд, стараясь быть беспристрастным, все же не может до конца преодолеть имагологические барьеры. Прокопий, сопровождавший царя в заграничных странствиях, признается, что побывал словно не в других странах, а в другом веке. Ему, как и большинству русских людей, было неведомо *«громадное двухтысячелетнее философское наследие, от Сократа до Декарта, блеск Ренессанса, основы современной науки, потрясающая культура, сложное и гибкое западное общество с его древними институтами, вероисповеданиями, юридическими законами и моральными установками»* [Там же, с. 516]. Как всякий неглупый русский человек, Прокопий *«чутьем постигал то, чего не мог полностью осмыслить»* [Там же]. Рассказывая отцу об увиденном в Европе, особенно в Голландии, он восхищается тем, что люди смогли покорить природу, *«привели в согласие ум и сердце»*. Он уверен, что жителям России следует заимствовать западный уклад жизни.

В ответ на это отец заявляет, что в России есть сила *«сильнее любого царя»* – это *«земля наша без конца и без края»*, поэтому здесь невозможно *«накинуть узду на весь божий свет»*, а мать Прокопия называет гордыней желание царя *«пересотворить»* Божий мир [Там же, с. 517].

По словам автора, все трое участников этого спора были *«глубоко и равно»* русскими людьми, поскольку воплощали коренные черты русского национального характера, проявляющиеся в религиозном консерватизме, фатализме и оптимизме. Более того, в этом споре писатель видит и *«вечную трагедию России»*, которая заключается в желании перенять чужой жизненный уклад, даже не постигнув его сложных основ [Там же].

На примере Прокопия Резерфорд прослеживает динамику изменения национальной самоидентификации, анализирует, как разрушается сакральная основа мироощущения русского человека – и в итоге формируется новая аристократия, *«потому что Петр создавал в России государство нового типа, основанное на службе, в котором всякий мог возвыситься»* [Там же, с. 560]. В сознании этого героя, полуевропейца-полурусского, возникает свое «пограничье»: он признается самому себе, что отечество его томит:

«Почему здесь все невозможно? Почему никто не в силах навести порядок в этой громадной отсталой стране?» [Там же, с. 559].

Он восхищается царем, называя его настоящим титаном, но осознает, что у Петра нет настоящих единомышленников, нет поддержки в народе, среди купцов и дворянства, поэтому Россия представляет собой *«неуправляемое море»*.

Еще одной причиной нестабильности русского общества в этот исторический период стали бесчисленные войны, которые вел Петр I, пытаясь расширить границы государства и обеспечить господство как на юге, так и на севере:

«Было подсчитано, что за двадцать с лишним лет правления Петра было всего два по-настоящему мирных месяца... Дворяне, купцы, крестьяне – вся огромная страна была обескровлена непомерной ценой, какую приходилось платить за несчастье победы» [Там же].

По словам Е. Б. Рашковского, «вся история Санкт-Петербургского периода отмечена сложнейшими процессами межрегионального, межэтнического и межконфессионального взаимодействия: от разрушительных военно-политических насилий до высоких и креативных культурных взаимовлияний» [13, с. 156]. Эту особенность исторической эпохи Резерфорд передает используя мотив пограничья, который пронизывает всю главу: восстание Степана Разина автор называет *«лебединой песней старого вольного русского приграничья»* [7, с. 479], «приграничная крепость» Нижний Новгород противопоставляется как древний город и крупный торговый центр обширному дикому краю северо-восточных лесов, где живут отшельники, *«настоящие простые русские люди»* [Там же, с. 485–486]. Немецкая слобода, где любил бывать молодой царь, разительно отличается от остальной Москвы, которой Петр бросает вызов своим поведением; разделенный при Софье на два политических лагеря царский двор погружен в противостояние бояр-консерваторов и аристократов-космополитов; внедрение в русский быт западноевропейской моды воспринимается в штыки представителями всех сословий, а смена летоисчисления знаменует конец старой Руси и начало новой эры.

Продолжая традицию, сложившуюся в литературе XIX века, Резерфорд противопоставляет Москву и Санкт-Петербург. Город, основанный Петром, презентуется не столько как новая столица, сколько как символ нового государственного устройства. Царь, решив построить его в *«негостеприимных землях»*, следует западноев-

ропейской модели покорения природы – по примеру Голландии, которая укротила море. Вследствие этого Санкт-Петербург становится, во-первых, городом природного пограничья, страдающим от разрушительных наводнений, а во-вторых, городом пограничья социального: «жителей целых деревень стали насильно переселять в возводящийся город», дворяне же «ждали отлучки царя, чтобы вернуться в старую добрую Москву», «они ненавидели море, их дома стоили здесь целое состояние, цены на продукты, которые доставлялись на кораблях, были заоблачными» [Там же, с. 559–560].

Рубежный характер эпохи перехода от средневековой Руси к обновленной России ярко проявился и в облике правителя-реформатора. Его литературный портрет в романе «Русское» строится на оппозиции «Отец Отечества / Антихрист», и это соответствует полемическому дискурсу, сложившемуся вокруг личности Петра I в западном и отечественном общественном сознании. С одной стороны, он характеризуется в русле концепции просвещенного абсолютизма как монарх, видящий свою миссию в служении Отечеству и в своих решениях исходивший из интересов государства. Резерфорд отдает дань апологизаторской традиции, сложившейся в русской литературе еще при жизни Петра, повторяя известные формулы: «отец отечества» (Феофан Прокопович), царь-труженик и просветитель (М. В. Ломоносов), «лучезарный бог света» (Н. М. Карамзин). В то же время в романе происходит демифологизация образа Петра I, проявившаяся в художественной полемике автора с писателями-предшественниками, прославлявшими цивилизаторскую роль императора. Если у Сумарокова возмужавший Петр сравнивается с солнцем, а его деяния знаменуют наступление в России «света» и изгнание «тьмы», то у героев Резерфорда правитель-реформатор ассоциируется с «новым палящим солнцем, которое выжжет все тени» [Там же, с. 510] и «огромным солнцем, слепящим глаза – все же холодным, как лед» [Там же, с. 565–567]. Это вызвано тем, что автор романа осуждает деспотические методы, к которым прибегал Петр, проводя реформы, заставляя народ приспосабливаться к этнически чуждой ментальности и культуре. По этой причине Резерфорд воспроизводит художественно-мистическую грань петровского мифа, которая сформировалась в старообрядческой среде, где Петр трактовался как «выродок», «нечестивец», «Антихрист». Как отмечает Е. Б. Рашковский, «цивилизационный порыв Петровского и последующих царствований не мог не вступать в известное „разрушительное противоречие“ с ар-

хаическими традициями славяно-византийской Руси» [13, с. 151].

Резерфорд подчеркивает, что секуляризация культурного сознания происходила болезненно. Петр проявлял «открытое оскорбительное глумление над религией», «делая все, чтобы как можно сильнее оскорбить религиозные чувства людей, которыми должен был править» [7, с. 507].

Английский писатель-историк объясняет трагизм петровской эпохи неготовностью и нежеланием народа воспринимать новые и по сути своей чуждые условия жизни, а также жестокостью внутренней политики Петра, не считавшегося с вековыми традициями, которые чтили русские люди. Поэтому в качестве выразительного символа в романе предстает образ русского кнута, рассекавшего спину жертвы, словно железный прут, который применялся во время жестоких пыток мятежных стрельцов и других инакомыслящих.

Завершая главу о Петре, писатель приводит два исторических факта, которые высвечивают два лика этого правителя: смерть царевича Алексея, замешанного в заговоре против отца и умершего после пыток в Петропавловской крепости, и расширение границ Российского государства за счет завоевания балтийских земель, за что «Сенат даровал Петру пышные титулы: *Pater patriae, Imperator, Maximus, Отец Отечества, Император, Великий*» [Там же, с. 566]. Таким образом современный европейский писатель выражает свое критическое восприятие патернализма, который в России всегда воспринимался как один из базовых культурных архетипов. Вместе с тем Резерфорд разделяет двойственность, «пограничность» оценок Петра I и его эпохи: с общечеловеческой точки зрения многие деяния царя-реформатора заслуживают осуждения; если же характеризовать его как государственного деятеля, то его деяния трудно переоценить – после победы в Полтавском сражении «карта Европы изменилась за один день: поднималась новая грозная Россия. И Европа, которая недавно потешалась над Петром, теперь была напугана» [Там же, с. 563]. Именно поэтому эпоха Петра I считается одним из важнейших, переломных периодов, когда Россия «выступила в роли протагониста мировой истории, внося существенные коррективы в общемировой порядок» [14, с. 13].

Публикация осуществляется в рамках проекта «Литературоведческая имагология», реализуемого победителем грантового конкурса для преподавателей

магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы
Владимира Потанина.

Список источников

1. Стеценко Е. А. Вступительное слово // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 9–12.
2. Земсков В. Б. Цивилизационно-культурное пограничье – универсальная константа и средство самостроения мирового историко-культурного процесса // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 13–20.
3. Шемякин Я. Г. Социокультурная «пограничность» в контексте всемирной истории // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 37–67.
4. Lorber H. Russka gives reader a feel for Russia. URL: <https://www.baltimoresun.com/news/bs-xpm-1991-09-22-1991265092-story.html> (дата обращения: 21.07.2022).
5. Prashker B. Russka, Edward Rutherford. URL: <https://www.publishersweekly.com/978-0-517-58048-6> (дата обращения: 21.07.2022).
6. Schott W. Russia, rushing by. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/1991/10/01/russia-rushing-by/182e5aaf-07ab-4c5d-8c4d-18b713a333b6/> (дата обращения: 21.07.2022).
7. Резерфорд Э. Русское. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.
8. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.
9. Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 224 с.
10. Красавченко Т. Н. «Запад есть Запад, Восток есть Восток»? Образ России в английской культуре // На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М.: Новый хронограф, 2011. С. 159–225.
11. Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: РИЦ «Школа», 2009. 612 с.
12. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
13. Рашковский Е. Б. Санкт-Петербургский период в истории российской: цивилизационная динамика // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М., ИМЛИ РАН, 2014. С. 148–163.
14. Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–46.

References

1. Stetsenko, E. A. (2014). *Vstupitel'noe slovo* [Introduction]. *Problemy kul'turnogo pograniich'ya. Pamyati Valeriya Borisovicha Zemskova (1940–2012)*. Pp. 9–12. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
2. Zemskov, V. B. (2014). *Tsivilizatsionno-kul'turnoe pograniich'e – universal'naya konstanta i sredstvo samostroeniya mirovogo istoriko-kul'turnogo protsessa* [Civilizational-Cultural Borderland as a Universal Constant and a Means of Self-Construction of the Global Historical-Cultural Process]. *Problemy kul'turnogo pograniich'ya. Pamyati Valeriya Borisovicha Zemskova (1940–2012)*. Pp. 13–20. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
3. Shemyakin, Ya. G. (2014). *Sotsiokul'turnaya "pograniichnost'" v kontekste vseмирnoy istorii* [Sociocultural Borders in the Context of the World History]. *Problemy kul'turnogo pograniich'ya. Pamyati Valeriya Borisovicha Zemskova (1940–2012)*. Pp. 37–67. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
4. Lorber, H. *Russka Gives Reader a Feel for Russia*. URL: <https://www.baltimoresun.com/news/bs-xpm-1991-09-22-1991265092-story.html> (accessed: 21.07.2022). (In English)
5. Prashker, B. *Russka, Edward Rutherford*. URL: <https://www.publishersweekly.com/978-0-517-58048-6> (accessed: 21.07.2022). (In English)
6. Schott, W. *Russia, Rushing By*. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/1991/10/01/russia-rushing-by/182e5aaf-07ab-4c5d-8c4d-18b713a333b6/> (accessed: 21.07.2022). (In English)
7. Rezerford, E. (2021). *Russkoe* [Russka]. 1056 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
8. Mettan, G. (2016). *Zapad – Rossiya: tysyacheletnyaya voyna* [The West and Russia: A Thousand Year War]. 464 p. Moscow, Paulsen. (In Russian)
9. Mihal'skaya, N. P. (2012). *Rossiya i Angliya: problemy imagologii* [Russia and England: The Problems of Imagology]. 224 p. Samara, ООО "Porto-print". (In Russian)
10. Krasavchenko, T. N. (2011). *"Zapad est' Zapad, Vostok est' Vostok"? Obraz Rossii v angliiskoi kul'ture* ["West Is West and East Is East"? The Image of Russia in English Culture]. *Na perelome: Obraz Rossii proshloi i sovremennoi v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI vv.)*. Otv. red. V. B. Zemskov. Pp. 159–225. Moscow, Novyi hronograf. (In Russian)
11. Breeva, T. N., Habibullina, L. F. (2009). *Natsional'nyi mif v russkoi i angliiskoi literature* [National Myth in Russian and English Literature]. 612 p. Kazan', RIC "Shkola". (In Russian)
12. Gachev, G. D. (2007). *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: The National Images of the World]. 511 p. Moscow, Akademicheskii projekt. (In Russian)
13. Rashkovskii, E. B. (2014). *Sankt-Peterburgskii period v istorii rossiiskoi: tsivilizatsionnaya dinamika* [St. Petersburg Period in Russian History]. *Problemy kul'turnogo pograniich'ya. Pamyati Valeriya Borisovicha Zemskova (1940–2012)*. Pp. 148–163. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

14. Zemskov, V. B. (2011). *Rossiya "na perelome"* [Russia at a Turning Point]. Na perelome: Obraz Rossii proshloi i sovremennoi v kul'ture, literature Evropy i

Ameriki (konets XX – nachalo XXI vv.). Otv. red. V. B. Zemskov. Pp. 4–46. Moscow, Novyi hronograf. (In Russian)

The article was submitted on 22.07.2022

Поступила в редакцию 22.07.2022

Поляков Олег Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakoov@yandex.ru

Полякова Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakova-ro@yandex.ru

Polyakova Olga Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakova-ro@yandex.ru